

Булатова Наталья Сергеевна

*Институт ветеринарной медицины Омского государственного аграрного
университета*

Талапин Анатолий Николаевич

канд. ист. наук

*Институт ветеринарной медицины Омского государственного аграрного
университета*

ФЕЛИКС ДМИТРИЕВИЧ ИГНАТИШИН: СУДЬБА ВОЕННОПЛЕННОГО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Первая мировая война была не просто одним из крупнейших военных конфликтов. В годы Первой мировой войны в российском плену оказалось 2,2-2,3 млн. человек¹. Большинство из них были подданными австро-венгерского императора и попали в плен в 1914 или 1916 гг. в ходе грандиозной Галицийской битвы или знаменитого Брусиловского прорыва соответственно. Кто-то оказывался в плену будучи раненым, многие после поражений австрийской армии сдавались добровольно. Биография каждого пленного уникальна и, тем не менее, судьбы большинства военнопленных, в силу сходности условий, в которых они оказались, достаточно типичны. Особенно это касается рядовых и унтер-офицеров так называемых «дружественных национальностей» (в основном славян). Именно к ним русская общественность еще до революции 1917 г. относилась достаточно благосклонно, они же, в свою очередь, гораздо теснее, чем пленные офицеры, сумели сблизиться с местным населением. Этому была объективная причина: именно они, «дружественные пленные», не офицеры, подлежали назначению на принудительные работы и активно использовались на них с начала 1915 г.²

Проблема социализации (включение в социальную группу, в жизнь общества) различных категорий временного населения Российской империи, оказавшихся в ней в начале XX века, давно является одной из наиболее интересных и, тем не менее, не до конца исследованных в исторической науке. Попытки ее разработки на основе умозрительного анализа общих сведений о судьбе пленных, не раскрывающие биографий конкретных людей, не всегда дают удовлетворительные результаты³. Выводы, которые делаются из соединения информации об отдельных фактах из жизни

¹ Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. М., 1987. С. 32-33.

² К труду пленных, как известно, привлекали с осени 1914 г., но в массовом порядке – с 1915 г.

³ Нередко исследователи, не располагая достаточным количеством конкретных фактов или игнорируя неудобные факты, делают выводы о широкой помощи сибиряков пленным, об адаптации военнопленных в Сибири чуть ли не с 1914 г. и их социализации в крае задолго до революционных событий 1917 г. (См., напр.: Горелов Ю.П. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 303-328; Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март – октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143-149).

самых разных людей, противоречивы. И только связанные биографические сведения о судьбе конкретных пленных позволяют исправить эти ошибки. В данном случае микроисторический подход к изучению прошлого видится одним из наиболее приемлемых, так как дает возможность представить историю в ее наиболее актуальном и интересном «человеческом измерении».

И эта статья посвящена судьбе *военнопленного-чеха Игнатишина Феликса Дмитриевича*. Его биография позволяет, что называется, изнутри взглянуть на проблему социализации пленных Первой мировой войны в России.

Социализация пленных в России была длительным и сложным процессом, растянувшимся на годы. Не последнюю роль здесь сыграли и особенности установившегося в нашей стране политического строя, заставлявшие людей тщательно скрывать многие детали своей биографии и происхождение, как свое, так и родителей. Биография Феликса Дмитриевича Игнатишина (так, «на русский манер», он сам себя называл в России) восстановлена по сохранившимся документам и рассказам самого Феликса Дмитриевича. Только после смерти его жены обнаружилось тщательно хранимые ею документы, которые позволили пролить свет на неизвестные ранее детали его биографии.

В семейном архиве сохранились: автобиография, написанная от руки (1957 г.), анкета по учету работников железнодорожного транспорта, составленная самим Игнатишиным (1955 г.) и характеристика на члена КПСС, тов. Игнатишина Ф.Д., подписанная секретарем Омского горкома КПСС А. Родионовым (1955 г.). Как видим, документы составлены после смерти Сталина, когда угроза репрессий миновала. Тем не менее, документы содержат в себе ряд противоречий, которые не могут быть объяснены ничем иным, кроме желания не выделяться из ряда обычных советских граждан.

Дата и место рождения – декабрь 1893 г., село Джуриин Чернопольской области Четовского района во всех документах указаны одинаково, правда, с припиской, что «документы не сохранились». Социальное происхождение – крестьянин-батрак. В автобиографии также указано, что и он и его отец работали батраками на кулаков и помещиков (документы не сохранились). Первое противоречие, которое мы наблюдаем, относится к графе «национальность». В Анкете и Автобиографии указано – «украинец». В кругу своей семьи Игнатишин всегда говорил о своем «украинском» происхождении. Однако он никогда не пытался написать или съездить на свою малую родину – «Украину», где, по его словам, жила мать, которую он очень любил. До конца дней он говорил с большим акцентом. А иногда, когда Феликс Дмитриевич думал, что его никто не слышит, можно было услышать, как он тихо поет на незнакомом языке (явно не украинском). На эту странность проливают свет другие документы. Игнатишин был членом большевистской партии и сотрудником ВЧК, в документах,

связанных с этой стороной его биографии, мы находим совершенно другие сведения – о военнопленном унтер-офицере австро-венгерской армии Феликсе Игнатишине, а не об украинском крестьянине-батраке.

В Характеристике, данной райкомом КПСС, указана и настоящая национальность Игнатишина – чех. Простое сравнение только трех документов: Автобиографии, Анкеты и Характеристики⁴ открывает еще одно противоречие. Из Анкеты и Автобиографии мы узнаем, что в 1913–1916 гг. Игнатишин воевал в действующей армии в качестве солдата, а с 1916 по 1918 гг. после ранения и госпитализации работал на Южно-Камском заводе Пермской губернии. Вроде бы все просто и достоверно. Но здесь не упоминается один из самых трагичных и определивших всю его дальнейшую жизнь моментов биографии, о котором рассказывают другие документы. Воевал. Но где и с кем? Из характеристики мы узнаем, что чех (Игнатишин?) был призван на военную службу и служил унтер-офицером в австро-венгерской армии. А с 1915, а не с 1916 г., как военнопленный работал на том самом Южно-Камском заводе прокатчиком.

Был ли труд Игнатишина в России добровольным? Оплачивался ли он? Труд военнопленных изначально был фактически приравнен к форме наказания или, как минимум, придания строгости условиям содержания в русском плену. С этой точки зрения логична и существовавшая в начале войны установка на бесплатность и принудительность их труда: было бы странным платить пленным за то, что их наказывают. Поскольку добровольный труд не мог быть наказанием, становится понятной известная попытка российских властей сделать работу славян добровольной: она объяснялась нежеланием «наказывать» дружественных пленным. С 1914 г. к принудительному труду привлекались только «враждебные национальности». Труд славян до лета 1915 г. был добровольным. При отказе трудиться пленным-славянам без наказания возвращали в лагерь. Лишь многочисленные жалобы работодателей заставили отказаться от такого порядка.

Ни в автобиографии, ни в упомянутой анкете, ни в личных воспоминаниях мы не найдем даже намека на плен и пребывание Феликса Игнатишина в лагере военнопленных. Хотя надо отметить, что концентрационные лагеря для военнопленных, повсеместно строившиеся в России с 1915 г., никогда не были основным местом их размещения. Особенно это касалось пленным, подлежащих назначению на принудительные работы. Пребывание в концентрационном лагере для них было не более чем эпизодом, причем не всегда продолжительным. Только не желающие трудиться, нетрудоспособные, слабосильные и выздоравливающие пленные, а также офицеры, которые по каким-либо причинам не были размещены в городе (в уездах офицеров размещали редко, поскольку им полагались соответствующие помещения) подолгу задерживались в лагерных бараках.

Военный плен – не биржа труда. Пленные не могли рассчитывать, что при определении на работы будут учитываться их специальность или профессия на родине.

⁴ Автобиография Игнатишина Ф.Д. (1957 г.); Анкета по учету работников железнодорожного транспорта (1955 г.); Характеристика на члена КПСС, тов. Игнатишина Ф.Д. (за подписью секретаря Омского горкома КПСС А. Родионова) (1955 г.) // Личный архив Н.С. Булатовой.

Изначально военнопленных вообще не предполагалось использовать на квалифицированных работах. Однако уже с 1915 г. такая практика возникла. Но, естественно, что при определении на работы мнением пленных по-прежнему никто не интересовался, поскольку даже такой труд оставался принудительным. Исключение существовало лишь для пленников-офицеров, пожелавших трудиться и получивших особое разрешение российского военного начальства. Труд таких специалистов был добровольным, причем известно, что российские власти доверяли им как специалистам квалифицированную работу даже на стратегических объектах, таких, как промышленные предприятия и железная дорога. Впрочем, до революции 1917 г. получить подобное разрешение на добровольный труд было чрезвычайно сложно.

Для назначения пленников-офицеров и лиц интеллигентных профессий на добровольные работы требовались не только подписка о добровольности их согласия на работу и уведомление работодателя о полной ответственности за поведение каждого пленного, главным было подтверждение благонадежности, то есть ручательство за таких пленников (как правило, соответствующих благотворительных национальных организаций). После Февральской революции круг принудительно трудившихся пленников был расширен. С начала марта 1917 г. обязательному назначению на принудительные работы подлежали и пленные унтер-офицеры как младших званий, так и старшие унтер-офицеры⁵.

Поскольку Феликс Дмитриевич, согласно официальным документам, работал с 1915 г., можно предположить, что работал он добровольно. Плата за труд была ничтожной и официально не признавалась заработной платой. Только в 1916 г., проанализировав накопленный опыт использования труда пленников, Главное Управление Генерального штаба без всяких оговорок признало вознаграждение пленников за их труд зарплатой, а не произвольной наградой⁶. Задолго до этого оплата труда военнопленных стала необходимым условием получения их рабочих рук. В промышленности власти не только не возмещали работодателям содержания военнопленных, как это было при их использовании в земском, сельском и городском хозяйстве, но и старались удержать с них часть заработанных пленными сумм. Это еще больше урезало их фактическую заработную плату, поскольку за ее счет с момента отправки на работы осуществлялись их содержание и охрана. Только 1 апреля 1916 г. Военное министерство полностью отменило все отчисления, разрешив увеличить

⁵ В середине марта 1917 г. из числа этих лиц военный министр исключил прапорщиков, подпрапорщиков, подвахмистров, фельдфебелей, вицефельдфебелей и вольноопределяющихся одного года (лиц, призванных на военную службу с высшим образованием), которых, в случае их принудительного назначения на работы следовало возвратить в распоряжение военного ведомства, если, конечно, эти лица добровольно не захотят остаться на работах. (Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТюмО). Ф. 152. Оп. 44. Д. 520. Л. 225-226, 228, 246; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 19. Д. 1702. Л. 211-213).

⁶ Названное распоряжение не стало для работодателей новым руководством к действию, так как сами они настаивали на необходимости заработной платы еще в 1914 г. (Приказание войскам Омского военного округа. Омск, 1916. 9 мая. № 129 // Фонд редкой книги Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина).

выплаты военнопленным до 50 коп. в день (то есть примерно 15 руб. в месяц)⁷. В отрасли пленные не должны были составлять более 15% от общего числа работающих, что, впрочем, не соблюдалось, как и многие другие, часто менявшиеся требования.

В царской России и при Временном правительстве, вплоть до Октябрьской революции, сохранялась практика предоставления «дружественным пленным» различного рода льгот, вплоть до освобождения из плена. Однако они чаще всего увязывались со вступлением пленных славян в добровольческие военно-национальные формирования для участия в составе русской или союзных армий в войне против Германии и ее союзников. Игнатишин, как и большинство пленных славян, отказался в них вступать. С другой стороны, Феликс Дмитриевич оказался одним из немногих пленных славян, симпатизировавших социалистическим идеям, будущих интернационалистов. Большинство же пленных славян не разделяли интернационалистских идей. По мере ослабления политического режима в России, усиливались национальные противоречия между пленными. Они подогревались вербовкой пленных в ряды армий Антанты для войны против собственных стран. Россия, как и ее союзники, использовала раздельное размещение разных национальностей для националистической пропаганды, вовлечения пленных в сепаратистские политические организации⁸.

Симпатии пленных славян к России и ее союзникам должны были содействовать различные льготы, которые облегчали режим их содержания в плену. Но еще до 1917 г. отпущенные на работы пленные не соблюдали положенной дисциплины, даже находясь и работая на стратегически важных объектах⁹. Они реально пользовались гораздо большей свободой, чем предоставляли пресловутые льготы. После Февральской революции надзор за пленными стал номинальным. В российских городах «дружественным пленным» стали выдавать удостоверения на право свободного передвижения по городу. Вышесказанное имеет подтверждение в воспоминаниях Игнатишина. (естественно без упоминания о том, что он работал на заводе в качестве военнопленного).

Система довольствия пленных в начале войны, в соответствии с предписанными нормами, основывалась на нормах довольствия русской армии. Но уже с 1915 г. шло сокращение норм питания, согласование их с реальным довольствием русских военнопленных в Германии¹⁰. Летом 1915 г. нормы довольствия (только пищевого) для пленных были зафиксированы, то есть официально перестали соотноситься с

⁷ Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. С. 37. Если быть точнее, то до отмены отчислений деньги предписывалось сдавать в депозит фабричных инспекторов. (См., напр.: ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 44. Д. 511. Л. 270).

⁸ Центральные державы в отношении русских пленных придерживались той же политики. (См., напр.: Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 74).

⁹ Об особенностях положения и поведения пленных славян в дореволюционной России см., напр.: Талапин А.Н. Военнопленные славяне на территории Омского военного округа (1914–1917 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2003. С. 128-134.

¹⁰ Подробнее об особенностях питания военнопленных в Сибири см.: Горелов Ю.П. Указ. соч. С. 310.

довольствием русских войск. Сокращение довольствия не было намеренным ущемлением прав пленных. Война неизбежно вела к ухудшению питания и граждан самой России. В сентябре 1916 г. были сокращены нормы потребления мяса пленными (число постных дней в неделю увеличилось до четырех)¹¹. Сокращение произошло, несмотря на то, что дальнейшее понижение пайка пленных признавалось нежелательным из опасения развития болезней.

Предприниматели сами должны были одевать взятых на работы военнопленных, о чем они, впрочем, мало заботились. Пленные возвращались с работ полураздетыми. В стране царили голод, разруха. Голод был постоянным спутником Феликса Дмитриевича. Молодой организм, вымотанный большой физической нагрузкой, требовал пищи. Работая простым металлопрокатчиком, Игнатишин, тем не менее, обладал кое-какими знаниями в области обработки металлов и владел методом электролиза¹², что очень пригодилось в данной ситуации. Изготавливая медные колечки и простенькие украшения, он покрывал их золотом и, пользуясь относительной свободой, предоставлявшейся пленным-славянам, сбывал на местном рынке в обмен на еду.

После Февральской революции 1917 г. система надзора была, как известно, окончательно подорвана. Пленные-славяне получили разрешение на переписку с другими лагерями, национальными организациями, на создание касс взаимопомощи, библиотек, совместное содержание родственников; офицерам подтвердили право жить на квартирах и т.п. Эти льготы преследовали пропагандистские цели: доказать гуманность новой власти по отношению к жертвам милитаризма. Реально в Сибири многие пленные офицеры, и не только славяне, с первых дней войны жили на квартирах; лагеря в 1917 г. стояли полупустыми.

Еще до Октябрьской революции военнопленные в Сибири оказались во многом приравненными к русским рабочим, с двумя исключениями: их зарплата была урезанной, поскольку их приходилось содержать и охранять, и при назначении на работы преимущество отдавалось гражданам России. Однако никакие формальные уступки пленным в «рабочем вопросе» так и не помогли преодолеть их растущее нежелание работать, обостренное к тому же надеждами на скорейшее окончание войны.

Официально в России, начавшие стихийно образовываться легальные политические организации среди пленных, согласно приказу военного министра, были ликвидированы в апреле 1917 г. Якобы при этом не делалось исключений и для пленных-славян, хотя реально все легально созданные до революции военно-политические организации пленных продолжали существовать. На деле и нелегальные политические формирования не искоренялись, а революционная риторика власти только усиливала претензии пленных. Например, в июне 1917 г. пленные поляки-социалисты обратились с просьбой предоставить им два места в Омском Совете

¹¹ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 272. Оп. 2. Д. 63. Л. 117.

¹² В этом свете крайне неубедительно его утверждение, что до войны он был крестьянином-батраком.

рабочих и солдатских депутатов¹³. Известно, что еще до победы Октябрьской революции пленные в России действительно иногда получали такие места.

После Октябрьской революции среди военнопленных повсеместно создавались революционные комитеты, формировались национальные социал-демократические организации, как в лагерях, так и местах проведения работ, и секции при местных Советах депутатов и большевистской парторганизации. Пленные стали открыто совершать поездки по стране, занимаясь политической пропагандой и партийной работой. Видимо к этому периоду относится знакомство Феликса Дмитриевича с программой большевиков. Однако в их партию он тогда, как и большинство других, увлеченных пролетарскими идеями пленных, не вступил. Причина была в политике самой большевистской партии: ради привлечения большего числа сторонников политические организации с участием пленных чаще всего создавались как общедемократические.

Большинство пленных осталось равнодушным к революционной пропаганде, а пленные офицеры, опасаясь лишения их преимуществ перед нижними чинами, восприняли ее негативно. При посещении иностранными делегациями и обмене пленными они сообщали о своих революционно настроенных «товарищах», точно так же, как до революции антиросийски настроенные военнопленные доносили о сотрудничавших с российскими властями. Этому серьезно опасались пленные¹⁴. Политические симпатии, симпатии к России вынуждали их опасаться даже тех, кто по определению им помогал – посещавших их представителей краснокрестных и благотворительных обществ. До февральских и октябрьских событий 1917 г. военнопленные, симпатизировавшие русским, вполне оправданно опасались визитов иностранных делегаций¹⁵, инспектировавших их положение. Однако российские власти почти не использовали такой эффективный рычаг давления на неповинующихся военнопленных. Временное правительство, в отличие от царского, вообще мало интересовалось политическими настроениями пленных, на местах тоже было не до этого.

Власти, существовавшие в России до Октябрьской революции, ориентировались преимущественно на трудовое использование военнопленных. Развитие добровольческих военно-политических организаций, вроде печально известного Чехословацкого корпуса, или переход от проектов к действительному освобождению «дружественных» пленных на практике, как известно, тормозились. Начав с лозунга замены квалифицированного «пленного труда», Советская власть сделала ставку на замену любого труда военнопленных русскими рабочими. Этому были как объективные причины, связанные с предстоящей и стихийно уже начавшейся

¹³ Омский вестник. 1917. 6 июня.

¹⁴ Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке (1917–1922). М., 1980. С. 207-208, 213-214. По этой причине уже в годы Гражданской войны в России многие бывшие пленные воевали в рядах Красной Армии под чужим именем.

¹⁵ После октября 1917 г. пленные-интернационалисты, открыто выступившие в защиту советской власти, панически их избегали. О том, что именно по этой причине интернационалисты покидали весной 1918 г. Москву, сообщала сибирская пресса. (См.: Сибирский листок. 1918. 25 марта).

демобилизацией армии (а значит ростом безработицы), так и субъективные – надежда на мировую революцию и стремление использовать в ней пленных. Не в заботу об избавлении пленных от принудительного труда, а в их вытеснение с рынков труда – вот во что на практике должны были вылиться мероприятия Советской власти при пересмотре проблемы трудового использования пленных. Выгода от использования труда военнопленных, в сравнении с возможным значением их при соответствующем идеологическом «перевоспитании» в революционном интернациональном движении, казалась большевикам ничтожной.

В конце 1917 – начале 1918 гг. по всей России оформлялись многочисленные интернационалистские организации пленных, носившие в основной своей массе название социал-демократических, но активно опекавшиеся большевиками. В феврале 1918 г. на совещании Всероссийского бюро военнопленных при ЦИК Советов и Петроградского социал-демократического комитета военнопленных было официально решено создать по всей стране революционные организации (комитеты) военнопленных для борьбы с контрреволюцией, агитации и пропаганды среди пленных. Именно это совещание предложило реально уже осуществлявшуюся в Сибири меру отделения «пленных пролетариев» от «контрреволюционеров»-офицеров, с концентрацией последних в отдельных казармах под строгим надзором и охраной. Кроме того, совещание одобрило идею создания национальных отделов при Всероссийском бюро пленных, а также информационного отдела с целью издания газет, брошюр, листовок и т.д.¹⁶

Поощряя революционное движение военнопленных, большевики постарались избавиться от военно-политических формирований, созданных с участием пленных еще до революции. Наибольшие опасения вызывал созданный как часть русской армии, а теперь формально подчиненный французскому командованию Чехословацкий корпус. Весной 1918 г., по соглашению с СНК, он отправился для эвакуации через территорию Сибири во Владивосток. Вспыхнувший вскоре мятеж корпуса положил начало широкомасштабной Гражданской войне в России. В Сибири и с той и с другой стороны в ее начале пленные стали едва ли не главной ударной силой.

Трагедия заключалась в том, что на чужой для них земле друг с другом воевали не только подданные в основном одного государства – Австро-Венгерской империи, но и люди, разделенные политическими и национальными предрассудками. Гражданская война в России стала для них возможностью реализовать собственные интересы, бороться за свои идеалы. Сражавшиеся в России на фронтах Гражданской войны военнослужащие Центральных держав выступали уже не как военнопленные, то есть лица, находящиеся во власти пленившей их державы, ограничивающей их свободу с целью исключения участия в вооруженной борьбе. Фактически многие пленные потеряли этот статус еще до революций, сначала Февральской, а потом Октябрьской, став участниками военно-политических формирований, вроде Чехословацкого корпуса.

¹⁶ См.: Данилов В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972. С. 9; Виноградов С.А. Югославянские военнопленные австро-венгерской армии в России в 1914–1918 гг. // Новый часовой. 1998. № 6-7. С. 76.

В 1918 г. Игнатишин вступил в ряды Красной армии и принял участие в боях на Восточном фронте. Сражался он в составе 3-й армии РККА, воевавшей, в основном, на Урале. Эта армия вела боевые действия против частей Чехословацкого корпуса и белогвардейских частей на Златоусто-Челябинском, Екатеринбургском и Пермском направлениях, принимала участие в Сарапуло-Воткинской, Петропавловской и Омской операциях. За освобождение Омска от Колчака Феликс Дмитриевич был награжден¹⁷. Однако рассуждать о социализации Игнатишина, как и других интернационалистов из числа бывших военнопленных, в период Гражданской войны довольно сложно. Можно лишь говорить об усвоении такими людьми определенного социального опыта преимущественно военного плана. Подобный опыт не способствовал включению таких людей как Феликс Дмитриевич в мирную советскую жизнь, но он оказывался полезным, если они находили себе применение, например, в структуре ЧК.

Военнопленные-революционеры формально вышли победителями из Гражданской войны в России. С восстановлением советской власти большая их часть надеялась на немедленную отправку домой и встречу с родными, а не желавшие возвращаться на родину – на скорое начало свободной и счастливой жизни в новом отечестве – в Советской России. Однако лагерные бараки и принудительные работы для большинства военнопленных де-факто не были отменены. Надежды на скорую отправку домой не оправдались и у пленных, сражавшихся в рядах Красной армии. В феврале 1920 г. столичная Центральная коллегия о пленных и беженцах разослала на места свой приказ, предписывавший всем красноармейцам «из бывших военнопленных (империалистической войны)... выдавать на общем основании "билет военнопленного". Причем, в видах пресечения дезертирства на первой (паспортной) странице должна быть сделана отметка о состоянии данного лица в Красной Армии»¹⁸. Благодаря подобным мерам бывшим военнопленным-интернационалистам, оставшимся в Советской России, не удалось раствориться в массе советских граждан.

В условиях разрухи и нехватки рабочих рук новые власти фактически поставили эвакуацию пленных на родину в зависимость от хозяйственных нужд региона. На всех иностранцев, в том числе военнопленных (за исключением дипломатов), летом 1921 г. была распространена трудовая повинность. От нее освобождались лишь пленные, получившие удостоверение о зачислении в очередной эшелон на эвакуацию¹⁹. Пленных, принудительно отправленных на работы, постановлением Сибревкома, утвержденным в январе 1920 г., было запрещено принимать обратно в лагерь, а предписывалось направлять на биржу труда как безработных²⁰. Трудоспособные пленные все же возвращались в лагерь, но только после соответствующего назначения для работы в лагерных мастерских, а нетрудоспособные передавались местным

¹⁷ В Гражданскую войну Феликс Дмитриевич был награжден именованным оружием, а в 1959 г. отмечен Почетной грамотой Омского областного комитета КПСС, исполкома областного Совета депутатов трудящихся и областного совета профессиональных союзов за активное участие в освобождении Омска от колчаковщины // Личный архив Н.С. Булатовой.

¹⁸ ГАОО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.

¹⁹ Там же. Ф. 150. Оп. 1. Д. 39. Л. 77.

²⁰ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 58. Л. 22-23.

отделам социального обеспечения. Даже 3-я армия, в составе которой на Восточном фронте воевал Феликс Дмитриевич, 15 января 1920 г. в рамках экономической политики «военного коммунизма» была временно переведена на трудовое положение и переименована в 1-ю Революционную армию труда.

Эвакуация пленных на родину формально была возобновлена большевиками уже осенью 1920 г. Но, поскольку фактически все пленные прежде были принудительно распределены на разного рода работы, то вначале им предстояло уволиться с них. Увольнением пленных с работ занимались местные уездные комитеты по труду, куда военнопленным необходимо было обратиться, чтобы заявить о своем желании вернуться на родину²¹. Только получившие разрешения от комитетов по труду могли рассчитывать на выдачу проездных билетов и прочих проездных документов, а также суточных денег²². В итоге эвакуация пленных на родину затянулась до лета 1925 г., когда страну покинули последние из них, стремившиеся вернуться на родину. Не захотевшие или не успевшие уехать были включены в число желавших получить гражданство СССР с обязанностью обзавестись необходимым видом на жительство, а лица соответствующего возраста взяты на военный учет. Однако к этому времени большинство пленных, решивших остаться в СССР, фактически уже давно сменили свой статус. Так произошло и с Игнатишиным.

После демобилизации в 1921 г. его направляют работать в дорожно-транспортный отдел ВЧК–ОГПУ, где он проработал до 1937 г. По рассказам его жены, в период массовых чисток 1937 г. он вступился за своего товарища, за что и был уволен с формулировкой «за невозможностью дальнейшего использования», как говорилось в документах. По тем временам это был рискованный поступок. За меньшие деяния и даже отсутствие оных, многие поплатились гораздо больше. Вообще необходимо отметить, что Феликс Дмитриевич всегда отличался личным мужеством. Он имел смелость жениться на женщине далеко не пролетарского происхождения, к тому же бывшей жене репрессированного крупного инженера-железнодорожника с дореволюционным стажем. Ее двоих детей воспитал как родных, помог получить высшее образование, что было сложно для детей «врага народа».

После увольнения из органов, Феликс Дмитриевич работал на разных должностях на Омской железной дороге. Во время Великой Отечественной войны железная дорога имела особое значение. Работавшие на ней приравнялись к мобилизованным в армию. За свою работу Феликс Дмитриевич был награжден двумя медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За трудовое отличие». Свою трудовую деятельность Феликс Игнатишин закончил начальником дорожной конторы обслуживания пассажиров.

Каковы были его политические убеждения? Надо отметить, что вступление в партию не было для него политической конъюнктурой. Вступив в ряды РКП(б) в 1920 г., Игнатишин до конца дней оставался убежденным коммунистом. Критикуя Сталина за его культ и репрессии, а Хрущева за «недостойное» вождя великой

²¹ ГАОО. Ф. 440. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

²² Там же.

державы, с его точки зрения, поведение, он свято верил в светлое, счастливое коммунистическое будущее. Феликс Дмитриевич честно служил своей новой родине до конца своих дней. Умер он от второго инфаркта в 1960 г., в возрасте 67 лет.

Полноценная социализация военнопленных Первой мировой войны, пожелавших, как Феликс Дмитриевич Игнатишин, остаться в России, оказалась возможной только после окончания Гражданской войны. Все эти люди выбрали новую родину по личным (обзаведясь семьей) или идеологическим мотивам. Впрочем, как правило, эти мотивы дополняли друг друга, усиливая желание новых граждан нашей страны остаться здесь навсегда. Их изломанные судьбы, не всегда пролетарское происхождение и наличие родственников за рубежом мешали социализации. Даже искренняя преданность новой родине, верность коммунистическим идеалам скорее только провоцировали нежелание афишировать многие подлинные факты биографии, желание доказать свою типичность в ряду обычных граждан СССР.